

О.Н. Пряжникова

**СОЦИАЛЬНАЯ И СОЛИДАРНАЯ ЭКОНОМИКА:
ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

*Solidāre (лат.) – делать плотным,
твердым, скреплять части, сращивать.*

Разрабатывая новую глобальную стратегию развития на период после 2015 г. (Global development agenda beyond 2015), эксперты ООН приходят к выводу, что «старая» формула, а именно экономический рост плюс социальная защита, не соответствует в полной мере целям устойчивого развития. В мире в условиях информализации экономики (ухода от государственного регулирования), роста экологических издержек индустриализации, обострения проблемы продовольственной безопасности и повторяющихся финансовых кризисов необходима политика развития, выходящая за рамки «политики роста», которая, хотя и включает в себя элементы социальной защиты и защиты окружающей среды, но не ликвидирует структурные предпосылки неустойчивого и нестабильного развития [Wengler J.C., Utting P., 2014, р. 1].

В связи с этим все больше экспертов рассматривают опыт практической реализации идей и принципов социальной и солидарной экономики (ССЭ) как альтернативу процессам неолиберальной глобализации и возможный путь к устойчиво развивающемуся типу общества, перед которым в XXI в. стоят задачи сохранения экологического равновесия, реализации принципа инклюзивности, достижения благосостояния, эффективного регулирования социально-экономической среды.

Социальная и солидарная экономика: История развития

Выделяют три поколения предприятий так называемой «старой» социальной экономики, в то или иное время возникавших в Европе как реакция на кризисные явления в экономике [L'évaluation de.., 2001, р. 37–38].

Первые организационные формы социальной экономики зарождаются в Европе в 1840–1850 гг. в контексте перехода от старых форм регулирования деятельности ремесленников (ремесленных корпораций) к регулированию на основе конкуренции. Возникают и распространяются общественные ассоциации (*mutuelles*), в основе которых лежит добровольная самоорганизация людей и реализация коллективного подхода к борьбе с бедностью, безработицей, страхования рисков, связанных с потерей работниками здоровья и других социальных рисков. Кроме того, кооперативы и ассоциации рабочих и крестьян, сотрудничая, оказывали друг другу взаимную помошь и формировали коллективный спрос на производимый ими продукт. Таким образом, был инициирован экономический проект социальной экономики, основанный на принципах братства, солидарности и добровольной реципрокности, объединивший свободных и равных перед законом граждан, стирающий границы между экономическим и социальным аспектами жизни общества [Laville J.-L. Social and solidarity economy.., 2013, р. 8].

Вторая волна социальной экономики была ознаменована возникновением сельскохозяйственных кооперативов и касс взаимопомощи как реакция на кризис 1873–1895 гг., который сопровождался общемировым снижением цен и массовым разорением европейских фермеров.

Третье поколение предприятий социальной экономики явилось реакцией на экономический коллапс 1929–1932 гг. Это были потребительские кооперативы, позволявшие рабочим и безработным по доступным ценам удовлетворять их базовые продовольственные и жилищные потребности.

Следует отметить, что после Второй мировой войны во Франции такие формы социальной активности, как профсоюзы, общественные ассоциации (*mutuelles*), ассоциации взаимопомощи, были официально признаны государством как участники и партнеры в реализации социальной политики и интегрированы в систему социальной защиты.

В конце XX в. начинается современный этап развития и осмысления концепции социальной экономики уже как солидарной

экономики. Это происходит в контексте определения новых форм социальной экономики, идеологически противостоящих принципам неолиберализма и индивидуализма и связанных с решением проблем обострения бедности и социальной маргинализации, развитием депрессивных регионов, а также развитием новых форм солидарности в области защиты окружающей среды, культуры, инициатив гражданского общества, образования и др., которые преследуют прежде всего цель достижения коллективного благосостояния и восстановления социальных связей между людьми.

Развитие концепции социальной и солидарной экономики

Корни теории солидарной экономики восходят к XVIII в., а именно к философским и идеологическим поискам концепции новой «социальной экономики», где установлен демократический контроль общества над капиталом с целью ограничить негативные эффекты, оказываемые свободным рынком на жизнь общества. Участниками данной дискуссии были социалисты-утописты и основоположники кооперативной философии Оуэн, Сен-Симон, Фурье и Прудон.

Впоследствии самым известным представителем данного направления во Франции стал Ш. Жид, один из основателей Общества народной экономии в городе Ниме. Он считал наиболее общим свойством, присущим всем людям, «свойство потребителя» и видел реализацию солидарности прежде всего в потребительской коопeraçãoции. Нимские кооперативы распределяли минимум чистой прибыли между участниками, остальное шло на создание фабрик с правом участия рабочих в прибылях или на образование кооперативных производственных союзов, получавших от потребительских обществ необходимые капиталы и заказы. Деятельность таких ассоциаций Ш. Жид характеризовал как подготовку строя «правления потребителей» [Гловели Г.Д., 2011, с. 220].

В классической марксистской теории солидарность понималась как солидарность представителей рабочего класса, в основе которой лежало слияние личного интереса отдельного представителя класса с интересами рабочего класса в целом. В процессе эволюции социал-демократических партий и рабочих движений, под влиянием студенческих протестов в Европе в 1968 г. на смену классовому подтексту солидарности приходят принципы этики, альтруизма, приятия различий, взаимозависимости. Вместо построения социализма революционным путем в современной социал-демокра-

тической концепции солидарности акцент ставится на создание чувства общности, социальную интеграцию и разделение социальных рисков, а вместо абсолютизации принципа коллективизма – на признание первенства индивидуальной свободы над коллективной солидарностью [Stjernø S., 2005, p. 86].

Концепция солидарности активно разрабатывалась в европейской социологии в контексте социальной интеграции. Описывая природу солидарности, лидер французской социологической школы Э. Дюркгейм разделял «механическую», характерную для небольших сообществ (семьи, церкви, соседей), и «органическую» солидарность, в основе которой лежит дифференциация и специализация индивидов в реализации различных социальных функций, взаимодополняемость и взаимодействие подобно частям сложного живого организма как условие прогресса и демократии [Laville J.-L., 2010, p. 1461].

Важный вклад в развитие теории ССЭ внесла концепция укорененности экономики в социальной среде К. Поланьи, ее подчиненности и неотделимости от социальных отношений. К. Поланьи выделяет три формы интеграции хозяйства, обретения им единства и стабильности: обмен, перераспределение и реципрокность (взаимность). При этом он подчеркивает, что рыночный обмен – всего лишь одна из форм обмена, который может осуществляться не только в соответствии с принципом максимизации полезности, но и как социальный акт обмена дарами или проявления доброй воли, например, для утверждения дружеских и соседских связей, т.е. для поддержания социальных структур, отношений сотрудничества и предотвращения конфликтов. Подобные виды обмена без гарантии эквивалентного возмещения затрат и характеризуют понятие реципрокности – ключевой элемент концепции солидарной экономики. Посредством реципрокности осуществляется и функция перераспределения, и таким образом интегрируются все этапы хозяйственной деятельности [Радаев В., 2005, с. 29–30].

По Поланьи, «крупные сообщества имеют тенденцию вырабатывать многоуровневую симметрию отношений (*multiple symmetry*), в соответствии с которой реципрокное поведение станет развиваться в сообществах низшего порядка» [Поланьи К., 2002, с. 70]. При этом реципрокное взаимодействие отличается от классического перераспределения отсутствием иерархии между участниками обмена и предполагает равномерное распределение власти между членами симметрично организованной группы.

Сегодня термин ССЭ употребляют как в отношении самых традиционных форм социальной экономики, например кооперативов и кооперативных страховых обществ (mutuelles), так и новых структур, возникающих по всему миру в последние десятилетия, таких как альтернативные финансы, комплементарные валюты (KB), цифровые сообщества (digital commons), банки времени (time banks), группы взаимопомощи, микрофинансы, системы местного торгового обмена (local exchange trading systems – LETS), сообщества справедливой торговли (fair trade communities) и т.д.

Важно обозначить различия между социальной экономикой и солидарной экономикой. Первая ставит задачи корректировки дефектов капиталистической системы и внедрения в нее социальной составляющей путем повышения социальной ответственности бизнеса, инвестиционной деятельности и фондового рынка, распространения социального предпринимательства, социального бэнкинга и т.д. В отличие от солидарной экономики, агенты социальной экономики могут не быть частью локальных сообществ и их деятельность необязательно должна базироваться на принципах солидарности, доверия, кооперации и духе общности, а также регулирования экономической активности по принципу «снизу вверх» (bottom-up), что и является главной характеристикой солидарной экономики [Dash A., 2013, р. 6].

Солидарная экономика укоренена в ткани социальной жизни сообщества и представляет собой набор организаций и инициатив, целью экономической деятельности которых является не перераспределение прибыли, а удовлетворение потребностей коллектива, например, в создании рабочих мест, реализации гражданских инициатив, защите окружающей среды, в сфере культуры и образования. При этом в отличие от некоммерческого сектора экономики деятельность организаций ССЭ может приносить прибыль, но она, как правило, реинвестируется в соответствии с коллективными интересами: логика рынка здесь подчинена логике солидарности [Marques J.S., 2013, р. 3].

Следующие общие принципы и структурные элементы, присущие организациям и видам деятельности ССЭ, возникающим на основе коллективных предприятий, выделяет Н. Неамтан:

- целью таких инициатив является удовлетворение потребностей и интересов своих членов или местного сообщества;
- предприятия ССЭ автономны по отношению к государству;
- в уставах и кодексах поведения они декларируют демократический процесс принятия решений, предусматривающий обязательное участие всех членов проекта;

– в основе деятельности лежат принципы участия, распределения полномочий на основе доверия, индивидуальной и коллективной ответственности [Neamtan N., 2002, р. 2–3].

ССЭ устанавливает связи между людьми, живущими в определенном месте (территории), и эти связи определяются спецификой этой местности. При этом в рамках ССЭ создаются условия для развития и участия каждого члена сообщества. Такой принцип участия представляет собой открытую и гибкую систему, в которой не существует одного единственного правильного, универсального способа коллективного принятия решений. Каждое отдельное сообщество пробует и использует те процедуры, которые считает для себя приемлемыми, что определяет многообразие форм ССЭ [Dacheux E., Goujon D., 2011, р. 206–207].

По мнению А. Дэша [Dash A., 2013], ССЭ представляет собой не модель экономической организации (economic organization), а процесс упорядочения, формирования структуры экономической деятельности (economic organizing). Характеризуя ССЭ как творческий процесс социальной самоорганизации, происходящий снизу вверх, в основе которого лежит сочетание ценностей (blending values), А. Дэш видит в ССЭ так называемый зарождающийся «третий сектор» – вне государственного и рыночного. Он может стать эволюционным этапом в движении к новой «другой экономике», в которой главные акторы – сообщества, сущность – кооперация, отношения основаны на солидарности и реципрокности, регулирование происходит на основе добровольного участия, а производимое благо заключается в соединении ценностей (см. табл. 1).

Таблица 1
Три сектора экономики¹

	Государственный сектор	Частный сектор	ССЭ (третий сектор)
Доминирующие акторы	Государство	Рынок	Сообщество
Рациональность	Распределительная	Конкурентная	Кооперативная
Базовые отношения	Власть	Обмен	Солидарность/ реципрокность
Принцип регулирования	Контроль	Свобода	Участие
Капитализация	Общественные блага	Накопление капитала	Соединение ценностей (социальных, экологических, моральных).

¹ Dash A. Towards an epistemological foundation for social and solidarity economy: UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 21 p. – P. 6.

В ССЭ трансформируется и концепция занятости: ключевой становится задача создания рабочих мест для членов сообщества, что ведет к росту качества их жизни и формированию условий для более защищенного и комфортного существования, в том числе будущих поколений. При этом мотивация участия в жизни сообщества постепенно меняется – с обеспечения выживания на ощущение ценности принадлежности сообществу [Lemus B., Barkin D., 2007, p. 7].

Развитие ССЭ предполагает социализацию и «экологизацию» так называемого «экономического человека», деконструкцию ортодоксальной неоклассической экономической системы и движение к новой модели рациональности, которая может способствовать изменению экономических отношений. Признавая ограниченность концепций экономического человека и рационального выбора, теория ССЭ предлагает воспринимать человека через его социальную роль и его деятельность (*human agency*), видит в нем личность, движимую не только материальными, но и нематериальными устремлениями. Это позволяет более адекватно отразить реальность и полноту социальной жизни, природу человеческой личности, выходящую за рамки концепции максимизации полезности [Dash A., 2013, p. 6].

При этом, представляя собой альтернативную модель развития, ССЭ, по мнению ряда исследователей, может существовать лишь в рамках смешанной экономики (*plural economy*), философия которой не сведена лишь к рыночной и в которой могут сосуществовать разнообразные формы собственности, экономического поведения и экономической логики, обусловливающие практики перераспределения и реципрокности [Laville J.-L., 2001, p. 48].

Место и роль ССЭ в современной мировой экономике

Сейчас в мире происходят разнообразные экономические, институциональные, политические и культурные изменения, способствующие развитию ССЭ и трансформации организационных форм экономической деятельности в целом. В условиях давления рынка и сбоев рыночных механизмов растет число ассоциаций, объединяющих как индивидуальных работников, так и производственные компании, стремящиеся защитить свою деятельность, расширить свою рыночную власть, сократить транзакционные издержки. Наблюдается подъем общественных движений, объединяющих работников, мелких фермеров, женщин, потребителей, защитников

окружающей среды, а также рост поддержки принципов ССЭ со стороны академической среды и НПО.

Так, в настоящий момент в Европе 2 млн организаций ССЭ составляют уже 10% от всех зарегистрированных предприятий. Мировой рынок организаций справедливой торговли достиг объема в 6,4 млрд долл. Общества взаимопомощи оказывают поддержку в сфере социальной защиты для 170 млн человек по всему миру [Social and solidarity economy.., 2010, p. 2].

В Бразилии кооперативы производят $\frac{3}{4}$ зерновых культур и 40% молока, а экспорт их продукции оценивается в 1,3 млрд долл. [Social and solidarity economy.., 2011, p. iv]. В Великобритании 62 тыс. социальных предприятий обеспечивают рабочие места для 800 тыс. человек [Social and solidarity economy.., 2011, p. 133]. 21,1 млн французов участвуют в системе взаимного страхования (*mutuelle d'assurance*), 22 млн пользуются услугами кооперативных банков, а от 11 млн до 16 млн французов являются волонтерами в различных ассоциациях. В целом ССЭ во Франции обеспечивает 10,3% всех рабочих мест в экономике, давая работу 2,34 млн граждан [Panorama.., 2012, p. 1–2]. В Индии более 30 млн человек, в основном женщины, участвуют в 2,2 млн групп взаимопомощи, а крупнейший продовольственный кооператив «Amul» объединяет 3,1 млн производителей и имеет годовой оборот в 2,5 млрд долл. [Uutting P., 2013].

Правительство ЮАР в ходе борьбы с безработицей поставило целью в текущем десятилетии создать 5 млн новых рабочих мест, из которых 260 тыс. появятся в рамках ССЭ. Для этого государство оказывает организациям ССЭ техническую поддержку в получении финансовых и бухгалтерских услуг, обучении персонала организаций ССЭ, установлении связей с инвесторами, а также использует организации ССЭ как партнера в оказании социальных услуг населению [Social and solidarity economy.., 2011, p. xiii].

В последнее десятилетие большинство стран Южной Америки, а именно Аргентина, Бразилия, Эквадор, Уругвай и Венесуэла, в ходе борьбы с безработицей, бедностью и социальной маргинализацией включили в свою политику меры по поддержке и продвижению в обществе принципов и инструментов ССЭ, ознаменовав, таким образом, движение в сторону новой модели социальной политики. В контексте этой новой тенденции страны Южной Америки активно переориентируют бюджетные трансферты, увеличивая финансирование местных органов власти и институтов гражданского общества, вовлекая в реализацию социальной политики новых

акторов и расширяя возможности территорий в решении социально-экономических задач. Такую цель, в частности, преследует Программа лучшей жизни (Programa vida melhor) правительства бразильского штата Баия, в рамках которой планируется оказывать техническую поддержку инициативам народной экономики и охватить, таким образом, 120 тыс. городских и 280 тыс. сельских семей штата [Zeeland van A., 2013, p. 6].

Важно подчеркнуть, что акторы ССЭ в странах Южной Америки не были вовлечены в разработку государственных программ по поддержки ССЭ, их роль была сведена лишь к участию во внедрении программ без какой-либо возможности влияния на принятие решений. Таким образом, в данном случае страны Южной Америки выбрали государственно-центричную модель продвижения ССЭ [Castelao Caruna M.E., Srnec C.C., 2013]. Представляется, что в будущем во всех регионах мира будет расти актуальность более демократичной модели совместного формирования политического контекста государством и обществом.

На международном уровне ценности и практики ССЭ реализуются в сотрудничестве развитых стран Севера с развивающимися странами Юга, в частности в таких формах, как организации справедливой торговли и микрокредитование.

Организации справедливой торговли, реализующие программы благотворительности и солидарности, возникли более 50 лет назад, но только в последние 20 лет начался процесс их институализации, продукты с лейблами и сертификатами организаций справедливой торговли стали появляться в сетевых супермаркетах, а декларируемые ими принципы становятся частью политического дискурса. Так, в Европе в 2004 г. оборот товаров с лейблами справедливой торговли достиг 600 млн евро, увеличившись с 1999 г. (209 млн евро) на 186% [Wilkinson J., 2007, p. 224–225]. Организации справедливой торговли – это торговые партнерства, управляемые на основе принципов прозрачности, уважения и открытого диалога, целью которых являются достижение большего равенства участников мировой торговли и борьба с бедностью в развивающихся странах путем создания торговой системы, позволяющей маргинализированным производителям получить доступ на рынки развитых стран. На практике такие организации создают альтернативные торговые сети (*alternative trading organizations*), осуществляют маркетинг товаров, которые они лицензируют и продвигают на рынке под своими лейблами, а также проводят общественные кампании по продвижению своих принципов, например, за включение

и расширение ассортимента продуктов справедливой торговли в государственных закупках [Özçağlar-Toulouse N., Béji-Bécheur A., Murphy P.E., 2009, p. 601].

В такой сфере ССЭ, как альтернативные финансы, можно обозначить два вида стратегий и целеполагания. С одной стороны, это создание систем комплементарных и локальных валют, направленных на раскрытие потенциала коллективного действия и развитие территорий. С другой – традиционные формы микрофинансов, целью которых является создание условий для развития индивидуального- и микропредпринимательства.

Микрофинансы принято также считать формой ССЭ, которая, в частности, реализует солидарность между странами Севера и Юга как посредством разделения финансовых рисков и распределения финансовых потоков, так и в ее социальной составляющей: путем распространения финансовой грамотности, формирования социально-экономических институтов, придания особой важности социальной ответственности инвесторов. Сектор микрофинансов растет в среднем на 30% в год. Пять крупнейших институтов, функционирующих в сфере микрофинансов (VBSP, «Grameen bank», BRAC, SKS, ASA), охватывают 30 млн заемщиков. В 2003–2009 гг. темпы прироста микрокредитования во Вьетнаме и Бангладеш составляли 10–15%, в Индии же, где рынок еще далек от насыщения, – 150% в год. Очевиден огромный потенциал микрокредитования в странах Африки, где насыщение рынков доступными финансовыми средствами крайне низкое [Ashta A., 2012, p. 72].

Кроме того, активно развиваются частные инвестиционные проекты на основе краудфандинга, такие как Oikocredit, чьи инвестиции в сфере микрофинансирования в 2012 г. составили 265 млн долл., или интернет-платформа Kiva.org, которая за восемь лет существования разместила микрокредитов на 370 млн долл. Развитие онлайн-технологий для осуществления микрофинансирования способствует росту и диверсификации сферы микрофинансирования, давая возможность широкому кругу инвесторов по всему миру использовать инновационные схемы инвестирования и пожертвований [Nelson P., 2013, p. 1].

В процессе развития ССЭ на региональном уровне и уровне более мелких сообществ получили распространение многочисленные проекты *комплементарных валют (КВ)* и *валют сообществ* (complementary and community currencies), такие как «переходные валюты» (transition currencies) и «банки времени» (time banks) в США

и Великобритании, The NU-Spaarpas¹ в Нидерландах, SOL во Франции, «Regiogled» в Германии и Австрии, банки сообществ (community banks) в Бразилии и т.д., в последние десятилетия получают активную поддержку со стороны национальных властей и международных институтов. Большинство таких инициатив позиционируют себя как часть общественного движения за развитие и расширение сетей ССЭ и укрепление отношений солидарности между гражданами, НКО и средним и мелким бизнесом. Сторонники КВ видят в них альтернативу существующей глобальной монетарной системе, которая, по их мнению, является причиной таких мировых проблем, как бедность, социальное расслоение и деградация окружающей среды, а также практический подход к реализации проектов устойчивого развития и самоуправляемых сообществ.

Большинство КВ, объединяющих предприятия и потребителей, являются конвертируемыми, они обмениваются на национальные валюты и поддерживаются ими, представляя собой ваучеры на национальную валюту. Наиболее известные конвертируемые КВ – это Sol Violette (г. Тулуза) во Франции, Brixton pound (фунты г. Бристона) – в Великобритании, Chimgauer (химгауэры) – в Германии и Berkshares (беркшеры, г. Беркшир, штат Массачусетс) – в США. Как правило, потребители покупают КВ с дисконтом, который возмещается бизнес-агентами, которые платят определенную комиссию при обратной конвертации КВ в национальную валюту.

При отборе участников для систем КВ учитывается как их географическое положение (предел удаленности от города-центра), так и то, придерживаются ли они практик, способствующих устойчивому развитию: например, справедливая система оплаты труда, следование экологическим стандартам, стандартам безопасности труда и сохранения здоровья работников, сокращение пластиковых отходов, отказ от продажи продуктов с содержанием пестицидов, следование другим принципам SSE и охраны окружающей среды.

Показательным примером конвертируемой КВ является проект SOL-Violette, запущенный в Тулузе в 2011 г. Изначально в нем

¹ В рамках проекта города Роттердама The NU Spaarpas Card была внедрена схема поощрения граждан, поддерживающих модели потребления, соответствующие концепции устойчивого и экологически сбалансированного развития. Держателям смарт-карт (NU Card) начисляются бонусы за покупку органических продуктов, продуктов, реализуемых в рамках сообществ справедливой торговли, за сортировку мусора для повышения эффективности его утилизации и т.д. – Прим. авт.

насчитывалось 150 участников, включая 30 предприятий, но уже к концу 2012 г. число участников выросло до 800, в том числе 110 предприятий, а в рамках проекта обращалось 63 тыс. единиц КВ. Потребители покупают SOL-Violette с дисконтом в 5%, в результате чего формируется фонд сбережений, из которого сотрудничающий с проектом кооперативный банк выдает микрокредиты местным «зеленым» и социальным предприятиям – участникам системы, чьи прибыли к концу 2012 г. выросли в среднем на 4%. Кроме того, муниципальные власти используют данную КВ для оказания социальной поддержки населению, ежемесячно добавляя 30 единиц SOL-Violette к пособиям, которые получают 120 нуждающихся семей города, а кроме того, ежегодно оказывают проекту финансовую поддержку (100 тыс. евро в 2013 г.), что позволяет оплачивать труд работников проекта и покрывать текущие издержки [Ruddick W.O., Mariani L., 2013, р. 3].

В развивающихся странах успешным проектом КВ стала локальная социальная валюта Palmas, учрежденная кооперативным банком «Banco Palmas», который был создан в 1998 г. в одной из фавел на северо-востоке Бразилии. Банк управляет местным сообществом, и главной целью его деятельности является улучшение условий жизни в фавелах путем микрокредитования и микрострахования местных жителей. В результате были созданы новые рабочие места, население смогло улучшить свои жилищные условия, сократился уровень преступности и наркографика, 1,5 тыс. молодых людей получили профессиональную подготовку [Dacheux E., Goujon D., 2011, р. 205].

Другая разновидность КВ – взаимные валюты – учреждается на основе взаимного соглашения между гражданами и/или предприятиями, которое позволяет им отсрочивать платежи за товары и услуги, используя взаимную систему кредитного клиринга. Взаимные КВ существуют в виде бумажных ваучеров или в виде системы электронных расчетов. Главная цель, которая достигается благодаря взаимной КВ, – это увеличение доступных населению средств обмена внутри отдельного сообщества. Сейчас по всему миру существуют тысячи систем взаимных КВ: банки времени (time banks)¹, системы местного торгового обмена (LETS).

¹ Банки времени – это система учета времени, потраченного участником системы на оказание помощи другим членам банка. Единицами капитала являются здесь часы волонтерского труда, накапливая которые человек получает возможность в обмен на них получать товары и услуги. – Прим. реф.

В Европе существует около 1000 банков времени, в США – 256, в странах Азии – 391. Участники банков времени предоставляют друг другу услуги, исчисляемые в часах. В среднем банки времени насчитывают 100–200 участников. В одном из самых крупных банков времени в Нью-Йорке (VNSNY) принимают участие более 2900 человек. Банки времени играют важную роль в создании солидарных сообществ и сокращении социальной изоляции, являясь наглядным инструментом реализации реципрокности, а не просто обмена. По мере укрепления отношений внутри такого сообщества они начинают поддерживаться и без такого вида социальной валюты, и использование банков времени сходит на нет [Complementary currency systems., 2013, p. 9, 12].

Примером взаимной КВ, используемой для торговых сделок между предприятиями, является швейцарская валюта WIR, созданная кооперативным обществом «Wirtschaftsring-Genossenschaft» (Кооператив экономического союза) в Швейцарии еще в 1934 г. В 2012 г. в системе WIR насчитывалось 62 тыс. зарегистрированных участников, в основном это мелкие и средние предприятия, которые, торгуя друг с другом, не прибегают к национальной валюте, таким путем защищая свой бизнес от волатильности рыночной экономики. По мнению экспертов, WIR является важным инструментом, обеспечивающим стабильность бизнес-сообщества Швейцарии¹.

Очевидно, что при таком бурном росте объемов ССЭ и диверсификации ее форм ССЭ уже выходит за рамки инновационной ниши социально-экономического развития и статуса «экономики на уровне сообществ», становясь полноценной составляющей мировой экономики.

Социальная и солидарная экономика в России: История и перспективы

Важно отметить, что концепция солидарности занимала важное место и в истории русской мысли. Идеи солидарности нашли отражение в категории соборности, которая была ключевым элементом идеологии славянофилов – А.С. Хомякова и К.С. Аксакова,

¹ Greco Jr. T.H., Megalli T. An annotated précis, review, and critique of prof. Tobias Studer's WIR and the Swiss national economy. – Mode of access: <http://beyondmoney.net/research-and-reviews/an-annotated-precis-review-and-critique-of-prof-tobias-studer%E2%80%99s-wir-and-the-swiss-national-economy-by-thomas-h-greco-jr-and-theo-megalli/>

в работах В.С. Соловьева, который ввел понятие всеединства, С.Н. Трубецкого, в чьей интерпретации соборность предстает как сочетание религиозной, моральной и социальной составляющих, С.Л. Франка, рассматривавшего общественную жизнь как выражение онтологического всеединства, лежащего в основе любой общности людей [Портрет солидаризма...].

Солидарность была предметом исследования либералов-западников, Е.В. де Роберти, первого российского профессионального социолога, и М.М. Ковалевского, который считал необходимым условием для реализации принципа солидарности автономность и свободу индивида [Efremenko D., Evseeva Y., 2010, p. 36–37].

Солидарность, как принцип, объединяющий всех людей вне зависимости от их политических взглядов или личных интересов, была важной составляющей идеологии народников (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Н.К. Лавров) и анархистов (П.А. Кропоткин, Л.И. Мечников). Так, М.А. Бакунин видел в качестве идеала реализации солидарности и свободы свободные ассоциации, а социальный прогресс – как движение от животного состояния к свободе, в котором определяющую роль играют солидарно организованные действия культурной части общества. Идеолог анархизма П.А. Кропоткин в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» исследует кооперацию как механизм выживания на разных стадиях развития человеческого общества. Выступая за альтернативную социально-экономическую систему, регулируемую горизонтальной сетью добровольных организаций, где продукт распределялся бы в соответствии с потребностями людей, а не их трудовым вкладом, П.А. Кропоткин подчеркивал, что «подобные ассоциации, конечно, не изменяют экономической структуры общества, но они, в особенности в небольших городах, помогают сглаживанию социальных различий» [Кропоткин П.А., 1907, с. 281].

В этот же период исследователь истории и практики кооперативного движения, российский и украинский экономист М.И. Туган-Барановский приходит к выводу, что кооперация могла бы стать инструментом преобразования капитализма, и указывает на тот факт, что «кооперация борется» с несовершенствами капиталистической экономики «не насилием, не оружием и не баррикадами, а мирным строительством нового общественного строя» [Туган-Барановский М.И., 1989, с. 96].

В России развитие кооперативов, одной из форм ССЭ, начинается после отмены крепостного права, в условиях становления капитализма, сопровождавшегося разорением мелких производи-

телей как в городе, так и в деревне. В начале XX в. кооперативные ассоциации становятся значимой формой организации экономической деятельности населения. Число потребительских обществ в период с 1905 по 1917 г. увеличилось с 1100 до 35 000, кредитных кооперативов – с 1629 до 16 417, а число сельскохозяйственных товариществ, насчитывавших в 1909 г. 166 организаций, в 1916 г. выросло до 2100 [Файн Л.Е., 1994, с. 25]. К сожалению, в советский период в условиях административно-командной экономики традиция кооперативного движения как самостоятельной формы самоорганизации экономической жизни была прервана.

В современной России, на наш взгляд, практики ССЭ могли бы стать действенным подспорьем в таких сферах, как экологически сбалансированное развитие сельского хозяйства, организация сетей поставок экологически чистых продовольственных продуктов, оживление экономической деятельности и оздоровление социального климата в депрессивных регионах, а также в целом драйвером развития социального капитала.

В сфере сельского хозяйства в настоящее время к формам ССЭ могут быть отнесены крестьянские (фермерские) хозяйства и сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК), так как им присуща такая ключевая черта организаций ССЭ, как распределение прибыли среди работников, являющихся одновременно и членами СПК в соответствии с их трудовым вкладом.

Таблица 2

Динамика численности сельскохозяйственных производственных кооперативов¹

	1995 г.	2001 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	2012 г.
Численность сельскохозяйственных производственных кооперативов	7939	15 314	14 572	10 108	9174	12 190	10 319

Как видно из табл. 2, число СПК в последние годы снижается. В качестве причин такой динамики выделяют сложности в осуществлении демократических процедур и нарушение принципов демократии со стороны органов управления СПК; трудности в моби-

¹ Проект ведомственной целевой программы «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2016 годы» / Министерство сельского хозяйства РФ. – М., 2013. – С. 9.

лизации инвестиции от частных лиц; работая на арендованной земле, СПК сталкиваются с риском потери земельных угодий, а также потерей имущества СПК путем их незаконного преобразования в акционерные общества, умышленного банкротства, рейдерских захватов, в результате чего члены СПК нередко остаются без своих имущественных паев, без земли и без работы.

В программе «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2016 годы» подчеркивается острая необходимость принятия мер по государственной поддержке СПК, а именно: законодательно признать особую роль и место СПК в экономике и социальной сфере села современной России; выделять долгосрочные субсидированные кредиты на выкуп арендаемой земли и земельных долей в собственность СПК; вовлекать СПК в сельскохозяйственную потребительскую кооперацию; усилить контроль деятельности СПК и защиты прав и законных интересов их членов [Проект ведомственной..., 2013, с. 10]. Кроме того, в программе подчеркивается, что развитие сельскохозяйственной кооперации – это необходимое условие устойчивого развития сельских территорий, обеспечения рентабельности сельскохозяйственного малого и среднего бизнеса, сохранения занятости и повышения покупательной способности сельского населения.

Представляется, что развитие практик и формирование структур ССЭ может помочь решению и такой российской проблемы, как расслоение регионов России по уровню социально-экономического развития и неравенство в доходах населения. Максимальная доля населения с доходами ниже черты бедности наблюдается в Ингушетии (83%), в Ивановской области 58% населения имеют доходы ниже черты бедности, в Марий Эл – 48%; высок показатель бедности в Коми-Пермяцком автономном округе – 64,3% [Елисеева И., 2008, с. 168]. В этой связи может стать полезным опыт стран Южной Америки в реализации политики продвижения ССЭ, в частности, направленной на стимулирование предпринимательской активности и трудовой деятельности граждан в районах с высоким уровнем бедности и повышения доступности для населения финансовых услуг путем создания альтернативных солидарных финансовых рынков, в том числе КВ (Castelao Caruna M.E., Srnec C.C.). В результате пользования КВ возникают новые пространственные и социально-экономические связи, что активно стимулирует кооперацию, процессы устойчивого развития территории, создает условия для участия в коллективных проектах всех местных жителей. Кроме того, солидарные финансы стиму-

лируют денежное обращение (например, открытый доступ всех участников проекта к получению кредитов и микрокредитов), что интенсифицирует местную торговлю [Fare M., 2013].

Важно отметить, что ограничивающим фактором развития ССЭ в России является такой важнейший показатель качества социального капитала, как межличностное доверие, уровень которого, по данным социологических исследований, низок и сочетается с недоверием к общественно-политической деятельности. Вместе с тем именно доверие является основой самоорганизации, обеспечивает социальную интеграцию, гражданскую солидарность. Руководитель «Левада-центра» Л. Гудков указывает на то, что эта ситуация усугубляется «государственной имитацией попыток самоорганизации общества» и дискредитацией властью ряда организаций гражданского общества. «Поэтому принимают систематическое участие в той или иной общественной организации менее 1% населения, хотя формально числятся членами какой-либо общественной организации или союза около 10% взрослого населения» [Гудков Л., 2012, с. 37]. Таким образом, можно отметить, что уровень реальной гражданской активности в России низок в сравнении со странами, где ССЭ динамично развивается, например Канадой, где 30% населения активно участвуют в каких-либо ассоциациях.

Несмотря на это, вызывает оптимизм возникновение в России инициатив, опирающихся на принципы ССЭ, развивающиеся «снизу вверх» на основе солидарности, чувства коллективной идентичности, краудфандинга и самоорганизации, т.е. примеров организаций, демонстрирующих высокое качество социального капитала. Среди них, например, фермерский кооператив «ЛавкаЛавка»¹, объединяющий фермеров, покупателей, магазины, рестораны, отели, поставщиков экопродукции, сельскохозяйственной техники, прошедших разработанную кооперативом процедуру экологической сертификации. «ЛавкаЛавка» заявляет в качестве своих ценностей сохранение окружающей среды, развитие сельского хозяйства, гастрономических традиций и ответственного потребления, а также идею «сопроизводства и соучастия». В рамках кооператива функционирует Фонд развития фермерских проектов, помогающий фермерам – членам кооператива развиваться и пополняемый из прибыли от реализации сельскохозяйственных продуктов, а также за счет грантов, пожертвований и социального инвестирования.

¹ Что такое фермерский кооператив «LavkaLavka»? – Режим доступа: <http://lavkalavka.com/fermerskiy-proekt-lavkalavka>

Опыт кооператива «ЛавкаЛавка» мог бы стать моделью для развития солидарных фермерских организаций, формирующихся вокруг городских агломераций.

Кроме того, в России на фоне развития социальных сетей растут и такие формы проявления солидарности, как участие волонтеров в избирательных кампаниях независимых кандидатов, социальное волонтерство и благотворительность. В 2011 г. 46% россиян делали благотворительные пожертвования, в том числе 11 – много раз, 31% – несколько раз, а в добровольческую деятельность было вовлечено 25% россиян, в том числе 6% россиян занимались добровольчеством много раз, 16% – несколько раз в течение года (Мерсиянова И.В., 2013, с. 42, 45]. По данным международного Фонда благотворительной помощи (Charities aid foundation), Россия переместилась в мировом рейтинге благотворительности (World giving index) с 138-го места в 2010 г. на 123-е место в 2012 г., а в волонтерских проектах в 2012 г. принял участие 21 млн россиян (World., 2001, р. 21, 27; 2010, р. 36).

Появляются примеры самоорганизации граждан в местных сообществах для реализации социально значимых проектов, например: постройка дома для многодетной семьи (Нижегородская обл.), досугового центра для детей (Оренбургская обл.), создание библиотеки в СИЗО (Екатеринбург), возведение моста (Ленинградская обл.) [Своими руками.., 2014, с. 12]. Проекты реализуются гражданами на основе краудфандинга в условиях пассивности и неэффективности местных властей. Так, в Петрозаводске жители собрали 70 тыс. руб. и своими силами провели ремонт 1,5 км грунтовой дороги, тогда как, по расчетам местных органов власти, стоимость данного проекта должна была составить 1 млн руб. В Волгограде в условиях бездействия властей жители самостоятельно установили на опасном перекрестке два светофора, собрав и потратив на это 400 тыс. руб., хотя стоимость проекта при бюджетном финансировании должна была составить 1,7 млн руб.

Заключение

Для того чтобы оставаться в русле мирового развития, России необходимо учитывать глобальные социально-экономические тенденции и вводить в свою политику меры, генерирующие инклюзивное и устойчивое развитие. Именно ССЭ предлагает такую парадигму целостного и сбалансированного развития, в рамках которой происходит одновременно оживление экономической активности,

осуществляется социальная защита населения и защита окружающей среды, т.е. создаются условия для интегрирования экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития и движения к социальной справедливости.

Для преодоления ограничений развития ССЭ в России, на наш взгляд, требуется стимулировать формирование механизмов реального участия россиян в социальной жизни путем наделения полномочиями общественных институтов, подотчетности гражданам общественных и государственных институтов. Особенную актуальность в данном контексте приобретает наделение большими полномочиями региональных и местных властей, перераспределение денежных потоков в пользу региональных и муниципальных бюджетов, что должно сочетаться с демократизацией выборов на местном уровне, уровне, на котором граждане непосредственно в контакте и сотрудничестве с органами власти могут заявлять о своих правах, осуществлять коллективную мобилизацию и оказывать влияние на принятие затрагивающих их жизнь решений, в частности, участвуя в определении приоритетов расходования средств местных бюджетов.

Поддержка инициатив ССЭ, разработка законодательной базы для их функционирования также, в свою очередь, создаст условия для развития институтов коллективного и местного самоуправления, совершенствования коммуникации между государством и гражданами, так как ССЭ укореняет в обществе практики демократического принятия политических и экономических решений и определения коллективных интересов посредством открытой дискуссии с участием всех акторов.

Таким образом, ССЭ может стать проводником трансформаций экономики в сторону более устойчивого развития, продвижения ценностей защиты окружающей среды, гармонизации общественной жизни, формируя условия для роста индивидуальной ответственности граждан, коллективной идентичности, межличностного доверия, для развития человеческого капитала и сокращения социального неравенства.

Список литературы

1. Гловели Г.Д. История экономических учений: Учебное пособие. – М.: Юрайт, 2011. – 740 с.
2. Гудков Л. Доверие в России: Смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. – М., 2012. – № 2 (112). – С. 8–47.

3. Елисеева И. Региональный аспект измерения бедности в России // Измерение, формы и факторы бедности. Сравнительный подход / Под ред. Фести П., Прокофьевой Л. – Париж, 2008. – 206 с. – С. 167–175.
4. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. – СПб.: Товарищество «Знание», 1907. – 351 с.
5. Мерсиянова И.В. Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: Региональное измерение. – М.: НИУ ВШЭ, 2013. – 204 с.
6. Поланы К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. – М.: НИУ ВШЭ, 2002. – Т. 3, № 2. – С. 60–73.
7. Портрет солидаризма. Идеи и люди / Сост. В.А. Сендеров. – М.: Посев, 2007. – 320 с.
8. Проект ведомственной целевой программы «О развитии сельскохозяйственной кооперации на 2014–2016 годы» / Министерство сельского хозяйства РФ. – М., 2013. – 25 с.
9. Радаев В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланы // Экономическая социология. – М., 2004. – Том 5, № 5. – С. 20–35.
10. Своими руками. Что жители страны строят на собственные деньги // АиФ. – М., 2014, 26.03. – С. 12–13.
11. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989. – 496 с.
12. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: Исторический опыт. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1994. – 275 с.
13. Ashta A. Co-creation for impact investment in microfinance // Strategic change. – Malden, 2012. – Vol. 21, N 1–2. – P. 71–81.
14. Complementary currency systems: Social and economic effects of complementary currencies / Boonstra L., Klamer A., Karioti E., Aido do Carmo J., Geenen S; Erasmus University. – Rotterdam, 2013. – 33 p.
15. Bindewald L., Nginamau M., Place Ch. Validating complementary and community currencies as an efficient tool for social and solidarity economy networking and development / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
16. Castelao Caruna M.E., Srnec C.C. Public policies addressed to the social and solidarity economy in South America. Toward a new model? // VOLUNTAS: Internat. j. of voluntary and nonprofit organizations. – Baltimore, 2013. – Vol. 24, N 3. – P. 713–732.
17. Christoforou A. On the identity of social capital and the social capital of identity // Cambridge j. of economics. – Oxford, 2013. – Vol. 37, N 4. – P. 719–736.
18. Dacheux E., Goujon D. The solidarity economy: An alternative development strategy? // Internat. social science j. – P., 2011. – Vol. 62, N 203/204. – P. 205–215.
19. Dash A. Towards an epistemological foundation for social and solidarity economy / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 21 p.

20. Dugarova E., Utting P., Cook S. Social drivers of sustainable development (Beyond 2015, brief N 4) / UN Research institute for social development. – Geneva, 2014. – February. – 6 p.
21. Efremenko D., Evseeva Y. Russian populists and anarchists on solidarity: Middle 19th to early 20th centuries // Newsletter of the altruism, morality & social solidarity section-in-formation of the American sociological association. – Wash., 2010. – Vol. 2, N 1. – P. 35–38.
22. Efremenko D., Evseeva Y. Slavophils and westernizers on sobornost, altruism and solidarity // Newsletter of the altruism, morality & social solidarity section-in-formation of the American sociological association. – Wash., 2010. – Vol. 2, N 2. – P. 35–37.
23. Fare M. Les monnaies sociale et complémentaires dans les dynamiques territoriales: Potentialités, impacts, limites et perspectives / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 21 p.
24. Gould C.C. Transnational solidarities // J. of social philosophy. – Malden, 2007. – Vol. 38, N 1. – P. 148–164.
25. Laville J.-L. Social and solidarity economy: A theoretical and plural framework / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
26. Laville J.-L. Solidarity // International encyclopedia of civil society / Ed. by Anheier H.K., Toepler S. – N.Y.: Springer, 2010. – P. 1460–1464.
27. Laville J.-L. Vers une économie sociale et solidaire? // RECMA – Rev. internat. de l'économie sociale. – P., 2001. – N 281. – P. 39–53.
28. Lemos B., Barkin D. Rethinking the social and solidarity economy in light of community practice / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
29. L'évaluation de l'économie sociale dans la perspective des nouvelles formes de régulation socio-économique de l'intérêt général / Bouchard M., Bourque G.L., Lévesque B., Desjardins E. // Cahiers de recherche sociologique. – Montréal, 2001. – N 35. – P. 31–53.
30. Marques J.S. Social and solidarity economy: Between emancipation and reproduction / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 15 p.
31. Moulaert F., Ailenei O. Social economy, third sector and solidarity relations: A conceptual synthesis from history to present // Urban studies. – 2005. – Vol. 42, N 11. – P. 2037–2053. – Mode of access: <http://usj.sagepub.com/content/42/11/2037.full.pdf+html>
32. Neamtan N. The social and solidarity economy: Towards an «alternative» globalization. – Vancouver, 2002. – 14 p.
33. Nelson P. Cooperation, association and solidarity in international finance? Forms of social solidarity investment in microfinance / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 16 p.

34. Özçağlar-Toulouse N., Béji-Bécheur A., Murphy P.E. Fair trade in France: From individual innovators to contemporary networks // *J. of business ethics*. – 2009. – Vol. 90, N 4 Suppl. – P. 589–606. – Mode of access: <http://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10551-010-0594-y>
35. Panorama de l'économie social et solidaire en France et dans les régions // Observatoire national de l'économie sociale et solidaire. – 2012. – 12 p.
36. Ruddick W.O., Mariani L. Complementary currencies strengthening the social and solidarity economy: Case studies from Kenya / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 11 p.
37. Social and solidarity economy: Building a common understanding // The reader 2010. – Turin, 2010. – x p., 90 p.
38. Social and solidarity economy: Our common road towards decent work // The reader 2011. – Turin, 2011. – xx p., 158 p.
39. Stjernø S. Solidarity in Europe: The history of an idea. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – 408 p.
40. Utting P. What is social and solidarity economy and why does it matter? – 1 May 2013. – Mode of access: <http://www.unrisd.org/unrisd/website/newsview.nsf/%28httpNews%29/B880F260D1BE1FB5C1257B5E002F6F65?OpenDocument>
41. Wengler J.C., Utting P. Social and solidarity economy: A new path to sustainable development (Beyond 2015, brief N 5) / UN Research institute for social development. – Geneva, 2014. – March. – 2 p.
42. Wilkinson J. Fair trade: Dynamic and dilemmas of a market oriented global social movement // *J. of consumer policy*. – 2007. – Vol. 30, N 3. – P. 219–239. – Mode of access: <http://link.springer.com/journal/10603/30/3/page/1>
43. World giving index 2010: A global view of giving trends. – Kings Hill: CAF, 2010. – 37 p.
44. World giving index 2013: A global view of giving trends. – Kings Hill: CAF, 2013. – 40 p.
45. Zeeland van A. Challenges for the sustainability of SSE: The interaction between popular economy, social movements and public policies / UNRISD conference: Potential limits of social and solidarity economy. – Geneva, 2013. – 17 p.